

Борис Морозов: «Мне интересен театр человека»

Полина БОГДАНОВА

Борис Морозов, художественный руководитель Театра Российской армии, стал известен как режиссер еще в конце 70-х. Отучившись в ГИТИСе у Андрея Попова, он вместе со своими однокурсниками Анатолием Васильевым и Иосифом Райхельгаузом пришел в Театр им. К.С. Станиславского. Несколько сезонов работы тогдашних молодых режиссеров в этом театре стали одной из самых прекрасных театральных легенд.

— У каждого из нас особые взаимоотношения со своей молодостью. Одни от нее отказываются, другие пытаются вернуть. У вас какие?

— Вернуть? Нет, я не сторонник того, чтобы возвращать. Я склонен искать движение вперед. С другой стороны, конечно, все мы оттуда, из своей молодости. Поэтому я и вспоминаю атмосферу того времени. Но сегодня так трудно ее восстановить. И это очень печально. Идет процесс девальвации культуры, оскудения духовного поиска. Все более и более искусство рассматривается как сфера обслуживания. «Развлеките меня!» Уже не существует закона — энергия, затраченная человеком на сцене, должна быть адекватна энергии, затраченной человеком в зале. Ведь в этом истина театра. Сейчас этой истины нет. Отсюда снижение уровня актерского мастерства. Это трагично, и у меня ощущение, что это процесс необратимый.

— И что же вы тогда должны делать в своей профессии? Взывать к высоким ценностям? Или меняться вместе со временем, снижая планку?

— Я стараюсь служить тому театру, который является моим. Хотя время иногда заставляет идти на компромиссы. Но я все-таки стараюсь. Мне это интересно — театр человека, где есть внутреннее соединение между зрителем и артистом. Правда, один мой знаковый режиссер как-то сказал: тебе не кажется, что все наши стремления скоро будут рыночно несостоятельны, что мы со своими ценностями никому не нужны? Я думаю об этом. Вам это понятно, да?

— Очень даже понятно. Об этом сегодня думают многие. Театр начинает работать не на



Анатолий МОРКОВКИН

культурного, интеллигентного зрителя, а на массового, поэтому и снижает уровень разговора, снижает вкус. Хотя мне кажется, что потребности в высококультурном театре, интеллектуальной литературе еще очень велики, и все это тоже может пользоваться спросом. Дело в выборе каждого из нас — на кого работать.

— Конечно, все еще живы — и те художники, которые стремятся говорить о высоких вещах, и те зрители, которые откликаются на это.

— Вы не приглашаете в свой театр модную рыночную режиссуру потому, что не хотите уходить от того театра, который вам важен?

— Это вопрос не творческий. Это скорее вопрос финансов, поскольку театр существует очень трудно. Мы не можем похвастаться спонсорами, которые есть у других. У нас очень мало средств даже на то, чтобы просто поставить спектакль. В лучшие времена на большой сцене было три премьеры в сезон. Сейчас — одна.

— Армия не кормит?

— Армия обеспечивает фонд заработной платы и коммунальное обслуживание огромного здания, а все постановочные расходы, пошив костюмов, изготовление декораций — это мы сами. Приходится крутиться. Мы даже сдаем большую сцену КВНу или кому-то еще.

— Всегда считалось, что ваш театр с огромной сценой, на которой можно ставить большие военные батальоны, и огромным зрительным залом для режиссуры — гиблое место. Не думали ли вы вообще сделать из этой сцены концертную площадку, а самому уйти на малую?

— Я понимаю, что в любой момент из этой сцены можно сделать концертную площадку. Но мне хочется сохранить ее своеобразие, ведь она по-своему уникальна. Не случайно такие режиссеры с мировыми именами, как Штайн, Мнуш-кина, Доннеллан, проявили к ней интерес. Но здесь нужна особая энергетика. Отсюда сложности работы с артистами, с пространством. Я все это ощущал и ощущаю в полной мере. И стараюсь в своих спектаклях учесть особенности этой сцены, которая и является сердцем Театра Армии. И если меня позвал этот театр, который в свое время возглавлял мой учитель Андрей Алексеевич Попов, то я считаю своим долгом сохранить его.

*Morozov Boris
(Korovin, scene)*

*(K.I.) 0105
(art.)*